

Кто известнее: Шекспир или Отелло? Чур, гадать до трех раз. И если не отгадали, значит, не зря жил старый Вилли. Писал из последних сил, рвал натруженный пуп... Чтобы через века Йохан, к примеру, Кресник мог просто сказать: «Макбет, вуаля!». И уж больше ничего не говорил. А все остальное сказала бы хореография.

Нормальный спектакль по Шекспиру уже и не поставишь. За четыре века выучили наизусть, от зубов отскакивает. Пьесы как бы в разряд священных писаний перешли. Шекспир жил, Шекспир жив... Широким народным массам он так же близок, как и узким кругам филологов. Уже непонятно, где кончается Шекспир и начинаемся мы. Уже не ставят его, а просто апеллируют к нему. Кивают на него, подмигивают: «Ну что, брат Шекспир?».

И хореографический театр Кресника в своем «Макбете», показанном москвичам в Театре им. Моссовета, не столько ставит Шекспира, сколько имеет его в виду. Вышивает по шекспировской канве своими собственными узорами. И фантастическое шекспировское средневековое переплетается с политической трагедией, случившейся в конце восьмидесятых годов XX века в Германии.

Времена никак не меняются. Власть по-прежнему не обходится без подлости и предательства. Машина, перемалывающая тела и души человеческие, выплевывает окровавленные останки. А вокруг все прохладно и тихо. Только хихикает кто-

Пляска смерти

Бременский театр в Москве

то невидимый: «Гражданин, умирай скорее — твоя постель нужна другому!».

Сатана волосатой рукой правит бал. Ведьмы пополам с мертвецами, вооружившись своими гробами-ваннами, скачут туда и сюда, строят рожи, агитируют за достойную смерть. Тонко прощупываемые сексуальные аномалии выходят за рамки эпатажа и становятся философией бытия. И мужчины, и женщины тут — андрогины. Мужского и женского в них равные порции... были бы. Когда бы не дьявол, который все ставит с ног на голову.

И женщина проявляет мужской принцип не через мужеподобность, а гораздо страшнее. Через экспансию, доходящую до насилия и убийства. А иметь дело с женщиной-убийцей невероятно тяжело. Всегда помнишь, что она женщина, но по временам забываешь, что убийца. И вот выходит вместо женщины — ведьма, а вместо вдохновения — провокация.

Собственно, спектакль о том, как быть мертвым, оставаясь живым. И гибель героя в конце — это не гибель. Это просто смерть, сидевшая внутри, вылезла наконец наружу.

Алексей ВИНОКУРОВ.